

На правах рукописи

ЗУБАКОВА Наталия Валерьевна

**ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ИНТЕРТЕКСТЕМ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И БЕЛЛЕТРИСТИКИ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Белгород – 2016

Диссертация выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Попова Елена Александровна

Официальные оппоненты: **Ефремов Валерий Анатольевич**,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русского языка ФГБОУ ВО
«Российский государственный
педагогический университет им. А. И. Герцена»

Долженкова Алёна Игоревна,
кандидат филологических наук, преподаватель
кафедры русского языка и естественных
дисциплин ФГБОУ ВО «Белгородский
государственный технологический
университет им. В.Г. Шухова»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»**

Защита состоится «05» апреля 2017 г. в 16 часов 00 минут на заседании диссертационного совета Д 212.015.03 по присуждению ученой степени кандидата филологических наук в Белгородском государственном национальном исследовательском университете по адресу: 308007 г. Белгород, ул. Студенческая, 14, корпус 2, Зал заседаний диссертационных советов, ауд. 260.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Белгородского государственного национального исследовательского университета.

Автореферат разослан « » 2017 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

И.А. Куприева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Антропоцентризм занимает центральное положение в лингвистике на современном этапе ее развития. Проблема «человекоцентричности» в современном языкознании рассматривается большинством ученых в связи с проблемой диалога и коммуникации в целом, поскольку антропоцентризм наиболее ярко проявляется в условиях коммуникативного акта (устного или письменного, в том числе литературной коммуникации), участниками которого являются люди, и люди становятся главной темой сообщения. Изучение художественных текстов, таким образом, широко распространено в настоящее время, поскольку отвечает принципу антропоцентризма, господствующему в современной лингвистической парадигме, и, кроме того, реализует другой ее ведущий принцип – текстоцентризм, который обуславливает возросший интерес к теории интертекстуальности в современной лингвистике.

Степень научной разработанности проблемы. В последние годы интертекстуальность изучается на материале самых разных текстов (публицистических, научных, эпистолярных, рекламных и некоторых других), но самые яркие образцы интертекстуальности дает художественная литература, для которой опора на прецедентные тексты (интертекстуальность) является обязательным признаком (обязательной текстовой категорией). В настоящее время в работах лингвистов изучается интертекстуальность в таких типах текстов, как художественные [Лашина 2008, Красильникова 2008, Калинина 2009, Шувалова 2012], научные [Тихомирова 2009, Арбузова 2007], публицистические [Соколова 2009, Воронцова 2004, Махова 2014]. Если рассматривать этот вопрос изучения интертекстуальности более узко, то материалом для изучения служат тексты: *газетные* [Чокою 2007], *библейские* [Десницкий 2008], *рекламные сообщения и рекламный дискурс* [Каверина 2008, Баранов 2009], *президентский дискурс* [Спиридовский 2006], *детективные* [Санжарова 2009], *искусствоведческие* [Селиванова 2006], *музыкальные* [Титова 2009], *мифологические* [Дылыкова 2010], *религиозные* [Кошелева 2008], *политические* [Попова 2001в] и др.

Современная массовая литература и беллетристика не раз становились объектом отдельных работ, посвящённых разным аспектам литературоведческого и лингвистического анализа. С точки зрения лингвистики в работах исследователей проведён анализ межтекстовых связей [Смирнов 1995], исследованы функции интертекста в романистике В. Максимова [Шахова 1999] и в «Маленьких притчах для детей и взрослых» Е. Санина [Фрик 2014], проанализирована современная речь как объект языковой рефлексии [Черняк 2005] и индивидуально-авторские конструкции

[Шувалова 2012], рассматривается интертекст как форма дискурсивного взаимодействия [Фатеева 2013].

В литературоведческих работах изучены интертекстуальные трансформации сюжета о Фаусте в произведениях Ф.М. Достоевского [Хасиева 2014], описана категория автора в массовой литературе и типологические черты любовного романа [Черняк 2010], рассмотрены имя и образ Пушкина в современной литературе [Бабенко 2007], а также описаны отражения черт постмодернизма в заглавиях художественных произведений [Минакова 2013].

Интертекстуальность как лингвистическая проблема в современных отечественных и зарубежных исследованиях занимает все большее место. Данное явление изучается в разных областях (философии, социологии, психологии, литературоведении, лингвистике и т.д.). Развитие теории интертекстуальности осуществляется в рамках художественной (литературной) коммуникации как наиболее органичной сфере осуществления межтекстового взаимодействия. В данной работе интертекстуальность понимается как открытость текста по отношению к действительности и другим текстам, отражающая сосуществование в текстах художественной литературы разнотипных цитат, или интертекстем.

Наше исследование в силу актуальности отмеченной проблемы сконцентрировано на всестороннем изучении категории интертекстуальности в современном русском языке.

Наименее изучена интертекстуальность в современной беллетристике и массовой литературе. В диссертации исследуются книги Д. Донцовой, В. Токаревой, Б. Акунина и др., то есть авторов популярных и лидирующих на книжном рынке по продажам печатной продукции. Всем вышесказанным и определяется **актуальность** исследования.

Объектом исследования являются интертекстемы, функционирующие в дискурсах современной беллетристики и массовой литературы (Л. Улицкой, В. Токаревой, П. Дашковой, Б. Акунина, Д. Донцовой и др.), и их связь с претекстами (Библией, мифами Древней Греции, произведениями А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова и др.).

Предмет исследования – типологические и функциональные особенности интертекстуальности как лингвистического и культурологического феномена в произведениях современной беллетристики и массовой литературы.

Материалом исследования послужил цитатный материал, извлеченный методом сплошной выборки из произведений современных авторов:

- 1) Л. Улицкой «Казус Кукоцкого», «Медя и ее дети», «Сонечка»;
- 2) П. Дашковой «Приз», «Чувство реальности», «Кровь нерожденных», «Образ врага», «Игра во мнения», «Источник счастья»;
- 3) В. Токаревой «Своя правда», «Свиньячья победа», «Стрелец»;
- 4) Д. Донцовой «Спят усталые игрушки», «Полет над гнездом индюшки», «Квазимодо на шпильках», «Путеводитель по Лукоморью», «13 несчастий Геракла», «Две невесты на одно место», «Старуха Кристи – отдыхает», «Княжна с тараканами»;
- 5) Е. Арсеньевой «Страшная сказка»;
- 6) Н. Александровой «Тройные неприятности», «Трое в лифте, не считая собаки»;
- 7) Ф. Раевской «Когда дрожат колени»;
- 8) Т. Устиновой «Закон обратного волшебства», «Неразрезанные страницы», «Миф об идеальном мужчине», «От первого до последнего слова»;
- 9) Б. Акунина цикл «Приключения Эраста Фандорина», роман «Ф.М.».

Общий объем проанализированного языкового материала составляет около 3500 примеров.

Цель исследования заключается в комплексном многоаспектном описании и сравнении интертекстуальности как лингвистического и культурологического феномена в разных дискурсах.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач исследования**:

- 1) определить специфику художественного текста;
- 2) охарактеризовать понятие «литературной коммуникации»;
- 3) обобщить современные научные представления о языковой интертекстуальности, определить границы понятий *интертекстуальность*, *прецедентность*, *интертекстема* и др. и их соотношенность со смежными, появившимися ранее понятиями;
- 4) описать типы интертекстем в художественном тексте;
- 5) проанализировать интертекстуальность в дискурсах современной беллетристики и массовой литературы;
- 6) выявить и классифицировать механизмы функционирования интертекстуальных элементов в дискурсах современной беллетристики и массовой литературы;
- 7) сопоставить и установить общее и индивидуальное в функционировании интертекстем в беллетристике и массовой литературе.

В ходе работы использовались следующие **методы и приемы анализа**:

- 1) приемы обобщения, систематизации и классификации;

2) описательный метод, позволяющий на основе анализа эмпирического материала делать теоретические выводы, способствующие описанию реализации интертекстуальных элементов как в языке современной русской прозы, так и в претекстах;

3) метод лингвистического наблюдения, позволяющий проанализировать языковой материал с точки зрения его функционирования в языке художественной прозы;

4) методика контекстуального анализа, с помощью которого можно изучить типы и функции интертекстем в текстах художественной литературы;

5) прием математического подсчета, необходимого для обобщения результатов лингвистического эксперимента.

Теоретическую основу исследования составляли работы отечественных и зарубежных ученых в области:

✓ теории текста: М.М. Бахтин, П. Хартман, Ю.М. Лотман, Г.Г. Москальчук, А.А. Залевская, А.А. Реформатский, И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, Т.М. Николаева, Н.С. Валгина, Н.В. Петрова, Н.Ф. Алефиренко, В.В. Щеулин, Е.А. Попова, Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин и др.;

✓ теории интертекстуальности и прецедентности: Р. Барт, М.М. Бахтин, Ю. Кристева, Ж. Женетт, Д.Б. Гудков, Ю.Н. Караулов, Н. Пьеге-Гро, Г.Г. Слышкин, Н.А. Фатеева, В.П. Москвин, Г.В. Денисова, Е.А. Попова и др.;

✓ современного состояния лингвистики: Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, В.А. Маслова, Н.А. Николина, Л.П. Быков, Н.А. Купина, В.П. Руднев, В.К. Харченко, Е.А. Попова и др.;

✓ массовой литературы: М.А. Черняк, Л.Д. Гудков, М.Ю. Сидорова, Н.Г. Мельников, В.Е. Хализев, Ж.В. Фёдорова, О. Бочарова и др.

Несмотря на то, что в науке о языке уже имеются диссертационные работы, посвященные изучению интертекстуальности различных текстов: художественных (Красильникова 2008, Калинина 2009, Шувалова 2012 и др.), публицистических (Воронцова 2004, Махова 2015 и др.), научных и эпистолярных (Арбузова 2007), а также есть труды, в которых анализируется специфика массовой литературы (М.А. Черняк 2010, Л.Д. Гудков 2000, Н.Г. Мельников 1998), впервые делается попытка рассмотреть особенности интертекстуальности современной художественной прозы (беллетристики и массовой литературы). Всем сказанным определяется **научная новизна** работы, которая также заключается в целостном описании художественного текста через категорию интертекстуальности, в

установлении различных типов интертекстом и их функций, в наличии неисследованных дискурсов с точки зрения их интертекстуальности, в отсутствии в современной лингвистике комплексной характеристики языковой категории интертекстуальности в дискурсах беллетристики и массовой литературы. В диссертационном исследовании выявлены такие особенности функционирования интертекстуальности, как *неуместность употребления, скрытое и явное обучение, всеохватность, контрастность, хронологическое несоответствие*. Детальное рассмотрение механизмов интертекстуальности позволило выделить в качестве особого предмета анализа *ступенчатую интертекстуальность*. Обнаружены такие интертекстуальные тропы, как *прецедентное сравнение, антитеза*, а также *интертекстуальный вывод*.

Теоретическая значимость данного диссертационного исследования заключается в том, что в нем содержится целостное и многостороннее исследование интертекстуальности в современной русской прозе (беллетристика и массовая литература), что вносит определенный вклад в развитие теории интертекстуальности и прецедентности, в такие дисциплины, как лингвистика и теория текста, а также лингвистика нарратива.

Практическая ценность настоящей работы обусловлена тем, что на основе исследования может быть составлен словарь прецедентных феноменов в современной русской прозе, пополнен лингвокультурологический словарь «Русское культурное пространство». Кроме того, результаты и материалы диссертационного исследования могут быть использованы при разработке курсов филологического анализа текста, стилистики, лингвистики текста, также при чтении курсов по выбору, посвященных проблемам текста, интертекстуальности, прецедентности, нарративных особенностей современной литературы, идиостиля современных прозаиков, новых лингвистических направлений, на курсах повышения квалификации учителей-словесников. Проведенное исследование может найти применение в школьном преподавании (на уроках русского языка, русской литературы, русской словесности, при проведении факультативных занятий и чтении элективных курсов в классах гуманитарного профиля), в руководстве научно-исследовательской работой студентов-бакалавров, магистрантов, аспирантов.

Гипотеза данного исследования заключается в предположении, что интертекстуальность в современной русской прозе различна: в массовой литературе интертекстуальность носит более специфический характер, что проявляется в тенденции к упрощению интертекстов, которые

воспринимаются читателями как тексты, не содержащие отсылок к прецедентным феноменам. Этого нельзя сказать о современной беллетристике, в которой с помощью межтекстовых связей создается углубленное понимание текста: читатель выходит за рамки контекста произведения, приобщаясь к вертикальному контексту историко-филологического знания через интертекстемы, употребленные автором. В массовой литературе интертекстуальная коммуникация осуществляется не всегда.

Положения, выносимые на защиту:

1. Характер интертекстуальности в произведениях современной художественной прозы различен. В беллетристике адресат получает установку на более углубленное понимание текста за счет интертекстуальности: происходит многомерная связь произведений современных авторов с другими текстами. Для адекватного понимания данного текста адресат обращается к претексту (тексту-источнику). Однако общность литературной памяти между автором и читателем не всегда совпадает, поэтому и в беллетристике возникают ситуации коммуникативной неудачи.
2. В массовой литературе, несмотря на использование интертекстем различного происхождения, не создается глобальной связности между текстами в пределах мировой литературы, т.е. произведения массовой литературы не осуществляют интертекстуальную коммуникацию, что напрямую связано с невысокой компетенцией читателя. В интертекстуальной коммуникации адресат должен верно определить авторскую интенцию, чтобы воспринять текст в его диалогической соотнесенности. В массовой литературе это условие нарушено. Адресат не может определить авторскую интенцию, так как его читательская компетенция не позволяет выйти за рамки школьной программы.
3. Исключительно для текстов массовой литературы характерны такие функции интертекстуальных элементов, как обучающая (явное и скрытое обучение), контрастность, всеохватность (обширность), неуместность, хронологическое несоответствие. В беллетристике использование данных функций не прослеживается, а обнаружены такие интертекстуальные тропы, как прецедентное сравнение и антитеза, а также интертекстуальный вывод.
4. Ступенчатая интертекстуальность— это такой вид интертекстуальности, когда в нескольких произведениях, написанных в разное время и принадлежащих разным авторам, повторяется один и тот же прецедентный текст. Ступенчатая интертекстуальность делится на два вида: 1) прямая, когда каждый автор обращается только к ближайшему претексту, не

ссылаясь на первоначальный прецедентный текст (напр., «Бедная Лиза» Н.М. Карамзина → «Азазель» Б. Акунина → «Весь мир театр» Б. Акунина); 2) неосознанная (случайная), когда неизвестно, обращался ли автор более позднего произведения к ближайшему претексту, но в текстах разных авторов прослеживается одна и та же мысль (напр., «Война и мир» Л.Н. Толстого → «Гласные» А. Рембо → «Статский советник» Б. Акунина).

5. По типологии интертекстуальных элементов в произведениях беллетристики и массовой литературы чаще всего используются такие типы, как собственно интертекстуальность, включающая в себя цитаты, цитаты с атрибуцией и без атрибуции, аллюзии с атрибуцией и неатрибутированные аллюзии. Также авторы современных художественных произведений часто используют паратекстуальность, а именно цитаты-заглавия.

6. Во всех исследуемых дискурсах претексты, использованные авторами, объединяются в следующие тематические группы: «Произведения классической художественной литературы», «Произведения детской литературы», «Мифология», «Библия», «Фольклор», «Кинофильмы», «Музыкальные произведения», «Искусство» и др.

Апробация исследования. По проблемам, связанным с изучением интертекстуальности в современной русской прозе, опубликовано 18 научных статей. 4 из них были опубликованы в изданиях, рекомендуемых ВАК РФ. Основные итоги исследования были изложены в докладах на научных конференциях различного уровня: Международной научной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук профессора Вероники Николаевны Телии «*Живодействующая связь языка и культуры*» (Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого, ноябрь 2010), Всероссийской научной конференции «*Ф.М. Достоевский в русском лингвокультурном пространстве (к 190-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского)*» (Липецк, ЛГПУ, ноябрь 2011), всероссийской научно-практической конференции «*Малая родина – большая литература: проблемы развития современной филологии*» (Липецк, ЛИРО, 22 апреля 2015 г.); на областном профильном семинаре школы молодых ученых по проблемам гуманитарных наук (Елец, ЕГУ им. И.А. Бунина, июнь 2011), региональных научных конференциях: «*Прошли в огне солдаты русские, Отчизну славя и народ*» (К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне) (Липецк, ЛГПУ, май 2010); «*О научном потенциале региона и путях его развития*» (Липецк, 2010), «*Роль историко-культурного наследия в развитии гуманитарных исследований в регионе*» (Липецк, ЛГПУ, 2011), «*Русский язык в этнокультурном аспекте*», посвященной 85-летию доцента Г.Л. Щеулиной (Липецк, ЛГПУ, апрель 2014 г.); *Краеведческие чтения,*

посвященные 1150-летию славянской письменности и 60-летию Липецкой области (Липецк, май 2013 г.); «Русское слово в Великой Отечественной войне» (к 70-летию Великой Победы) (Липецк, ЛГПУ, апрель 2015 г.); на ежегодных научно-практических конференциях студентов, аспирантов и соискателей ЛГПУ по проблемам русистики (Липецк, 2010-2015 гг.). Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры русского языка ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет» (2010-2015 гг.).

Структура работы определяется ее целью и задачами. Она состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, содержащего 259 наименований (включая 18 словарей), списка источников исследования и двух приложений. Текст изложен на 240 страницах рукописи.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертации, определяется объект и предмет исследования, формулируются цели и задачи диссертационной работы, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся данные по апробации работы, также положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические и методологические основы исследования интертекстуальности в художественном тексте**» рассматриваются основные положения лингвистики антропоцентризма, определяется место текстовой проблематики в современных исследованиях, дается характеристика понятию *литературная коммуникация* и описываются основные понятия теории интертекстуальности: *интертекстуальность*, *прецедентность*, *интертекстема* и др. и их соотношенность со смежными, появившимися ранее понятиями.

Идея антропоцентричности языка наиболее полно проявляется в текстовых исследованиях, так как текст в котором обретают подлинный смысл единицы всех уровней языка, невозможно изучать вне человека, являющегося его творцом и адресатом. Объектом изучения в лингвистике антропоцентризма часто становятся художественные тексты – абсолютно антропоцентрические единицы, где содержательная категория «человек» проявляется на всех уровнях, являясь главной текстообразующей категорией.

С помощью произведений художественной литературы мы можем общаться с выдающимися писателями современности, даже не находясь с ними в знакомстве, а также с великими авторами прошлых лет – А.С. Пушкиным, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым, А.А. Блоком и другими.

По мнению Н. Пьеге-Гро, идея интертекстуальности – это простая и даже банальная констатация того факта, что любой текст пребывает в окружении множества предшествующих ему произведений и что избавиться от литературы невозможно. В данном диссертационном исследовании используется узкий подход к понятию интертекстуальности, понимаемому как диалогические отношения, при которых один текст содержит конкретные и явные отсылки к предшествующим текстам¹.

Роль интертекста в художественной литературе стала на новом этапе лингвистики перспективной исследовательской областью. По словам В.К. Харченко, Россия относится к читающим державам, и цитация, подключение крылатых свойств весьма свойственно и нашему общению: «в разговорном повседневном общении чаще, чем мы это себе представляем, заученные тексты, строфы, строки контрабандой пролезают в реплики диалогов, оснащая их дополнительными ассоциациями, а главное – эмоциями»². Этот факт всегда осознавался писателями и поэтами. В поэзии неосознанно выражено стремление всех авторов вступать в диалогические отношения с предыдущей литературной традицией.

В своей работе мы использовали классификацию, предложенную Н.А. Фатеевой в книге «Интертекст в мире текстов»³. В основе данной классификации лежат основные классы интертекстуальных отношений:

1. **Собственно интертекстуальность**, образующая конструкции «текст в тексте»:

А) Цитаты с атрибуцией – это тождественное воспроизведение образца, то есть «воспроизведение двух и более компонентов текста-донора»⁴, напр.: *А что касается писателя, так он ведь чует, что давно под дулом ходит. Недаром все твердит, как щука в русской сказке: «**Не убивай меня, Емелюшка, я тебе пригожусь!**» Вот пусть и пригодится* (Дашкова «Кровь нерожденных»).

Б) Цитаты без атрибуции – в большинстве случаев именно данный вид цитат представлен в художественной литературе. Узнаваемы по частице «не», присоединенной к хорошо известным цитатам, либо строятся на принципе контраста с использованием союза «но», напр.:

---

¹Пьеге-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности [Текст] / Н. Пьеге-Гро. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – С. 6.

²Харченко В.К. Дневники С.Н. Есина: синергетика жанра. Монография. – М.: НИЦ «Академика», 2009. – С. 132.

³Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н.А. Фатеева. – М.: Книжный дом «ЛИББРОКОМ», 2012. – 280 с.

⁴ Там же. С. 122.

– *Девушка пела в церковном хоре, – задумчиво пробормотал Алекс, – о всех забытых в чужом краю, о всех кораблях, ушедших в море...*

Фия посмотрела на него с тревогой:

– *Они там все чокнутые, Алекс!*

– *Где?*

– *В церковном хоре! Они ж одни только молитвы и поют! Что они могут! Не-ет, солистку оттуда брать нельзя*(Устинова «Неразрезанные страницы»).

В) Аллюзии с атрибуцией – заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и осуществляется их предикация. От цитаты аллюзия отличается тем, что заимствование элементов происходит выборочно. Цель аллюзии, как пишет Н.А. Фатеева, организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры нового текста, напр.: *Он [Алекс] болел, капризничал, и разлад с окружающим миром – единственное, где он мог существовать, казался ему совершенно естественным. Боль, неудобство, изломанность, «я тоскую, как Блок», и только так правильно и возможно* (Устинова «Неразрезанные страницы»).

Г) Неатрибутированные аллюзии – по своей внутренней структуре построения межтекстового отношения лучше всего выполняют функцию открытия нового в старом, напр.:

– *Митрофанова фыркнула.*

– *Послушайте, Алекс, – начала она. Он все-таки вывел ее из себя! – Вы не Шерлок Холмс, а я не доктор Ватсон! У меня нет с собой ломика, стамески, потайного фонаря и двух масок из черного шелка! Я не собираюсь...*(Устинова «Неразрезанные страницы»).

Д) Центонные тексты – комплекс аллюзий и цитат. Создается сложный язык иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями: *Он тихо, упрямо, как шекспировский Шейлок, как пушкинский Скупой Рыцарь, копил свой капитал и ждал* (Дашкова «Игра во мнения»); *И Бутонов соединил их [Нику и Машу] теперь каким-то таинственным образом... Как Иаков, женившийся на двух сестрах...<...> Пусть так – все были бы братья и сестры, мужья и жены...И сама же улыбнулась: великий бордель Чернышевского, какой-то там сон Веры Павловны* (Улицкая «Медея и ее дети»).

2. **Паратекстуальность**, или отношение текста к своему заглавию, эпиграфу, послесловию:

А) Цитаты-заглавия – предстают как метатекст по отношению к тексту в своих внешних проявлениях, как субтекст единого целого текста во

внутренних. Заглавие представляет собой интертекст, открытый различным толкованиям, напр.: роман Д. Донцовой «Квазимодо на шпильках» отсылает нас к произведению В. Гюго «Собор Парижской Богоматери», «Спят усталые игрушки» – к песне, используемой в детской передаче «Спокойной ночи, малыши», «Полет над гнездом Индюшки» – к роману американского писателя К. Кизи «Пролетая над гнездом кукушки».

Б) Эпиграфы – следующая после заглавия ступень проникновения в текст, находящаяся над текстом и соотносимая с ним как целым. Как композиционный прием эпиграф выполняет роль экспозиции после заглавия. Через эпиграфы автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста⁵, напр.: в своем романе «От первого до последнего слова» Т.В. Устинова в качестве эпиграфа использует стихотворение Ю. Левитанского «Каждый выбирает для себя». В конце книги становится очевидным выбор эпиграфа, так как его упоминает главный герой: *Каждый выбирает по себе, вспомнилось ему откуда-то, женщину, религию, дорогу. Дьяволу служить или пророку, каждый выбирает по себе!...* (Устинова «От первого до последнего слова»).

3. **Метатекстуальность** как пересказ и комментирующая ссылка на претекст:

А) Интертекст-пересказ – трансформация текста либо по оси «стихотворение – проза», либо «стихотворение – стихотворение»:

Она легко встала, положила гитару в кресло Медеи, которая уже ушла к себе.

–А дальше – тишина, улыбнулась Бутонову улыбкой, обещающей продолжение вечера.

Цитаты Бутонов не уловил (Улицкая «Медея и ее дети»). Строка из трагедии «Гамлет» У. Шекспира «А дальше – тишина» не несет в себе первоначального смысла. В повести Л. Улицкой «Медей и ее дети» данная цитата разворачивается в противоположном смысле. Если у Шекспира с этими словами Гамлет умирает, то у Улицкой героиня произносит цитату перед продолжением вечера.

Б) Вариации на тему претекста – строка или несколько строк становятся импульсом развертывания нового текста, выносят на поверхность

---

⁵Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н.А. Фатеева. – М.: Книжный дом «ЛИББРОКОМ», 2012. – С. 141.

то, что в исходном тексте, задающем тему, «вскрылись отчетливые формулы, пригодные для разных тематических измерений»⁶:

*«Звезда моя, ты настоящая **Красная шапочка**. Кстати, никогда не задумывалась над интересным вопросом не убийца ли мама у наивной девочки? Может, она желала избавиться от слишком капризной, глупой и наверняка прожорливой девочки? Отправила маленького ребенка одного, через лес, наполненный серыми волками, да еще с корзиночкой, в которой лежали свежее испеченные пирожки с мясом. Представляешь, какой аромат исходил от них? Нет, мамуля точно надеялась на то, что хищник унюхает добычу и сожрет противную капризницу»* (Донцова «Каникулы в Простофилино»).

В) Дописывание «чужого» текста – перенесение героев, композиционной схемы и манеры изложения известного произведения в контекст нового времени, напр.: «Девятый сон Веры Павловны» В. Пелевина – дописывание романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?».

Г) Языковая игра с претекстами – может вестись на заглавии и ключевых словах текста, напр.: ***Настоящая женщина всю жизнь, как по капельке, выдавливает из себя тетку, как Антон Павлович Чехов выдавливал из себя раба. Чем меньше этих мерзких капелек останется внутри, тем красивей и достойней вам предстоит стареть*** (Дашкова «Игра во мнения»).

4. **Гипертекстуальность** как осмеяние или пародирование одним текстом другого. Ю.Н. Тынянов писал, что произведения классиков, их «макет – очень удобный знак литературности, знак прикрепления к литературе вообще»⁷. Гипертекстуальность использует как дополнительное средство все остальные типы интертекстуальных элементов и связей: цитату, аллюзию, аллюзивные заглавия и имена собственные, пересказ, интертекстуальную игру и др.⁸, напр.: *Начались летние каникулы, ни на какие сборы он не поехал, целыми днями лежал под грушей, все обдумывая<...> Окажись он под **смоковницей**, может быть, **откровение** имело бы более возвышенный характер, но от русской груши большего ждать не приходилось* (Улицкая «Медея и ее дети»). В данном примере библейский претекст подвергается трансформации и осмеянию, так как под смоковницей в основном молились, то повесть Л. Улицкой пародирует

⁶ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 293.

⁷ Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино [Текст] / Ю.Н. Тынянов. – М.: Наука, 1977. – С. 293.

⁸ Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н.А. Фатеева. – М.: Книжный дом «ЛИББРОКОМ», 2012. – С. 149.

данную фразу. Смоковница становится грушей, а вместо молитвы герой размышляет о жизни.

5. **Архитекстуальность**, понимаемая как жанровая связь текстов: *Я [Григорьев] имею в виду роман Шарлотты Бронте "Джейн Эйр". Классика, между прочим. Там сумасшедшая жена в конце концов подожгла дом и сделала своего мужа инвалидом. Могла Галина Дмитриевна выбраться из больницы, раздобыть пистолет, ключи от квартиры Кравцовой и убить? Теоретически это почти невероятно. А практически случается всякое* (Дашкова «Чувство реальности»). В данном случае роман П. Дашковой «Чувство реальности» является прецедентным ремейком романа Ш. Бронте «Джейн Эйр».

6. Иные модели и случаи интертекстуальности:

А) Интертекст как троп или стилистическая фигура. В современной художественной прозе можно выделить прецедентное сравнение, прецедентную антитезу, а также прецедентный вывод, напр.: *Снимок Тане сделали. Кое-что нашли. Анализ крови все подтвердил. Рекомендации старого педиатра оказались изумительно старомодными. Ребенку была предписана Швейцария, в разумных, естественно, пределах. То есть Швейцария Подмосковная. Многочасовые гуляния, сон на свежем воздухе — к ужасу Василисы, которая, как простой человек, выросший в деревне, в свежий воздух не верила. А также, разумеется, питание, рыбий жир. Словом, «**Волшебная гора**» Томаса Манна, о которой Исаак Венаминович и слыхом не слыхивал* (Улицкая «Казус Кукоцкого»). В данном примере употребляется прецедентный вывод.

*Ни картошки, ни укропа не принес ей этот красивый человек, похожий — теперь она наконец додумалась — вовсе не на римского легионера, а на **Одиссея*** (Улицкая «Медея и ее дети»). В данном примере имеется прецедентное сравнение племянника Медеи из повести Л. Улицкой «Медей и ее дети» с героем Гомера.

Б) Интермедиальные тропы и стилистические фигуры, напр.: *Двигался, как Майкл Джексон* (Токарева «Стрелец»). Интермедиальное сравнение героя повести В.Токаревой «Стрелец» Кости с Майклом Джексонном относится к интермедиальным тропам.

7. Поэтическая парадигма.

В Библии есть притча о том, как жена Лота превратилась в соляной столп, когда обернулась на разрушающиеся города Содом и Гоморру: *«Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом»* [Книга Бытие 19:26]. К этой притче обращаются многие авторы в своих произведениях. У А. Ахматовой в цикле «Библейские стихи» есть стихотворение

«Лотова жена»: *Взглянула – и, скованы смертною болью, / Глаза ее большие
смотреть не могли; / И сделалось тело прозрачною солью, / И быстрые
ноги к земле приросли.*

Б. Пастернак в своем стихотворении «Анне Ахматовой» обращается к поэтессе, а также упоминает ее стихотворение «Лотова жена»: *Таким я вижу
облик ваш и взгляд. / Он мне внушен не тем столбом из соли, / Которым вы
пять лет тому назад / Испуг оглядки к рифме прикололи.*

Таким образом, в поэзии выражено стремление всех авторов вступать в диалогические отношения с предыдущей литературной традицией. Данный тип интертекстуальности, когда происходит прямое обращение к тексту предыдущего автора, мы назовем прямой ступенчатой интертекстуальностью.

При анализе современной массовой литературы (произведения Д. Донцовой, Е. Арсеньевой, Б. Акунина, Н. Александровой и др.) нами были выявлены такие особенности функционирования интертекстуальных элементов: 1) **неуместность** употребления интертекста с точки зрения читателя с низкой языковой компетенцией; 2) **контрастность**; 3) **всеохватность** (обширность); 4) **обучающая функция**: *скрытое обучение* / *явное обучение*; 5) **хронологическое несоответствие**.

Таким образом, механизм функционирования интертекстов в каждом тексте определяется исключительно авторской интенцией, поскольку введение интертекстуального отношения – это попытка переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла в произведении. По мнению Н.А. Фатеевой, степень приращения смысла и является показателем художественности интертекстуальной фигуры⁹.

Вторая глава «**Интертекстуальность как обязательный признак текстов современной беллетристики**» посвящена анализу межтекстовых связей в произведениях Л. Улицкой, В. Токаревой и П. Дашковой, а также рассматривает литературную вертикаль современной русской прозы.

К миддл-классу (беллетристике, мейнстриму) из проанализированных произведений мы относим тексты Л. Улицкой, В. Токаревой и П. Дашковой, так как их произведения отличаются высоким исполнительским качеством и служат не только для развлечения читателя. Еще один немаловажный фактор – это отсутствие серийности у данных авторов (П. Дашкова, В. Токарева, Л. Улицкая). Несмотря на то, что П. Дашкова очень популярный писатель и многие ее отнесли бы к массовой литературе, на наш взгляд, в ее книгах

---

⁹ Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н.А. Фатеева. – М.: Книжный дом «ЛИББРОКОМ», 2012. – С. 39с.

сочетается развлекательность, характерная для массовой литературы, и отклик на злободневные проблемы нашего времени. Автор заставляет читателей задумываться над вечными вопросами бытия, старается углубить исторические или научные знания читателей.

Массовая литература в диссертационном исследовании представлена такими авторами, как Д. Донцова, Е. Арсеньева, Д. Калинина, Ф. Раневская и Т. Устинова, Б. Акунин. В произведениях данных авторов можно выделить следующие типологические черты массовой литературы: серийность, эскапизм, языковую простоту, высокую степень стандартизации («таблетки от депрессии» по словам Д. Донцовой). Книги Б. Акунина являются серийными произведениями, граничат с литературной беллетристикой (находятся в срединном положении – между беллетристикой и массовой литературой), исходя из того факта, что литературная компетенция автора относится к высокому уровню: «одну из причин особой популярности Акунина у образованной публики критики видят в том, что ему успешно удается игра с известными (и не очень) литературными мотивами»¹⁰.

Роман Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» относится к современной беллетристике. Книга изобилует большим количеством аллюзивных антропонимов. Особенно часто встречаются прецедентные имена, связанные с миром медицины (Д. Уотсон, Ф. Крик, В.М. Бехтерев, Н.И. Пирогов, С.П. Боткин и др.), например: *«Мытье рук по Спасокукоцкому, трепанация по Бемму, капли Бехтерева»*; *«Фамилия Кукоцких в медицинском мире была известна не менее, чем фамилия Пирогова или Боткина»*.

В романе автор использует такой прием интертекстуальности, как прецедентное сравнение. Л. Улицкая сравнивает каждого героя либо с реальными людьми, либо с персонажами известных произведений. Друг Павла Алексеевича Кукоцкого Илья Гольдберг сравнивается то с Дон-Кихотом, то с Одиссеем. Л. Улицкая называет его *«еврейский Дон-Кихот»*. Сближает Гольдберга с героем Сервантеса то, что противостояние с миром обычно заканчиваются для него плачевно – очередным лагерным сроком. Имя Дон-Кихота стало нарицательным. В словаре Н.С. Ашукина, М.Г. Ашукиной «Крылатые слова» указывается, что Дон-Кихотом называют фантазера, оторванного от жизни, вступающего в борьбу с реальным или

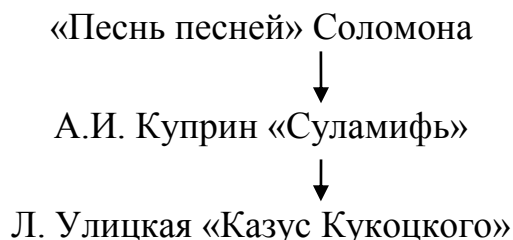
---

¹⁰ Потанина, Н.Л. Англомания Б. Акунина: Фактор успеха? [Текст] / Н.Л. Потанина // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. –С. 529.

кажущимся злом, но не учитывающего трезво своих сил, не сознающего, что борьба его бесполезна¹¹.

Очень часто в романе возникают аллюзии и реминисценции на произведения Ф.М. Достоевского. Героям дают понять, что за все в ответе взрослые, что за грехи людские расплачиваются их маленькие дети. В связи с этим в речи Иудея (или Ильи Гольдберга) звучит аллюзия из «Братьев Карамазовых» Достоевского: *«Что там ваш Федор Михайлович насчет слезинки ребенка говорил? Всевышнему замечания делал, что гуманизма в нем мало...»*.

Кроме того, в этом примере имеется реминисценция на «Песнь песней» Соломона из Ветхого Завета, а также на повесть А.И. Куприна «Суламифь»: *«Знаешь, на что похожи твои волосы? Видала ли ты, как с Галаада вечером спускается овечье стадо? Оно покрывает всю гору, с вершины до подножья, и от света зари и от пыли кажется таким же красным и таким же волнистым, как твои кудри»*. В своей повести Куприн использовал прием стилизации. Он опирался на «Песнь песней» Соломона – одну из книг «Ветхого Завета»: *«...глаза твои голубиные под кудрями твоими; волосы твои – как стадо коз, сходящих с горы Галаадской»*. Таким образом, в данном примере можно увидеть использование **трехступенчатой прямой интертекстуальности**:

На схеме видно, что Л. Улицкая использовала в своем произведении интертекст не только из повести А.И. Куприна, но и из Библии.

Излюбленным приемом, который использует В. Токарева в своих произведениях, является **прецедентное сравнение**. Автор сравнивает своих героев с ранее известными литературными персонажами, в их характеристиках появляются новые смыслы. **Ступенчатая структура** использования прецедентных выражений позволяет ярче раскрыть образы героев. В данном случае важна компетенция читателя, который должен понять, на какие детали хотел обратить внимание автор, что он думал подчеркнуть аллюзиями и реминисценциями, используемыми в текстах произведений. По словам М.А. Хасиевой, игровая природа

¹¹ Ашукин, Н.С. Крылатые слова [Текст] / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Художественная литература, 1987. – С. 169.

интертекстуального повествования определяется, прежде всего, негласно подразумеваемым взаимным согласием автора и читателя о восприятии в произведении игры, сводимой к угадыванию и конструированию дополнительных смыслов в тексте¹².

В романе П. Дашковой «Приз» интертекстемы позволяют создать более объемный и широкий образ героев, что заставляет читателя проделать большую внутреннюю работу и установить связи с предшествующей литературной традицией.

Через все произведение лейтмотивом проходит песня из кинофильма «Женитьба Бальзаминова» «Лютики-цветочки у меня в садочке». Смысл, который вкладывает герой в эту песню, кардинально отличается от смысла песни в фильме. Интермедийные связи проходят через все произведение и значимы для его построения и понимания. Слова песни, в которые вложен новый смысл, становятся лейтмотивом романа. Кинофильм «Женитьба Бальзаминова» снят по мотивам пьесы А.Н. Островского «За чем пойдешь, то и найдешь».

Лейтмотивом романа «Чувство реальности» П. Дашковой является произведение английской писательницы Ш. Бронте «Джейн Эйр». В данном романе используется такой тип интертекстуальности, как метатекстуальность, а именно вариации на тему претекста. Книга Ш. Бронте становится импульсом развертывания нового текста. Также данную особенность можно назвать прецедентным ремейком – формой перекодировки классики, результатом которой становится новое произведение, повторяющее сюжет классического текста.

Исходя из прецедентных текстов, использованных в дискурсе П. Дашковой, можно сделать вывод о том, какие из них являются «сильными», а какие «слабыми», опираясь на классификацию, предложенную Г.В. Денисовой¹³. Прецедентные тексты рассматриваются с точки зрения частоты их употребления в данных произведениях:

1) *Сильные литературные тексты, становящиеся в результате частого востребования прецедентными.* В дискурсе П. Дашковой – это Библия, русские народные сказки, произведения Ш. Бронте, А.С. Пушкина, А.Н. Островского, А. Дюма, Э. Хэмингуэя и др.

---

¹²Хасиева, М.А. Интертекстуальные трансформации сюжета о Фаусте в произведениях Ф.М. Достоевского [Текст] / М.А. Хасиева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2 (32): в 2-х ч. Ч. II – С. 201.

¹³ Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод [Текст] / Г.В. Денисова // Предисловие С. Гардзонио; Предисловие Ю.Н. Караулова. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.

*Многое приходилось добывать и додумывать самому, а потом прямо или косвенно в разговорах с Агапкиным уточнять, **отделять зерна от плевел** (Дашкова «Источник счастья»).*

Это выражение возникло из евангельской притчи о человеке, посеявшем пшеницу. Выражение употребляется в значении: отделять вредное от полезного, плохое от хорошего.

2) *Слабые литературные тексты.* В дискурсе П. Дашковой слабыми литературными текстами являются мифы Древней Греции, произведения Эпикура, М.В. Ломоносова, Г.Х. Андерсена, С.Я. Маршака, Шопенгауэра, Ницше, А.П. Чехова, Л. Кэрролла, М. Метерлинка, В.В. Набокова и др.:

*Эти твои умные друзья, **Ницше, Фрейд, Ломброзо**, толкуют человека с такой брезгливостью и презрением, будто сами принадлежат к иному виду (Дашкова «Источник счастья»).*

3) *Сильные прецедентные нелитературные тексты.* Кинофильмы «Женитьба Бальзаминова», «Офицеры», балет «Щелкунчик» на музыку Чайковского и др.:

*Однажды, ответив самому себе насмешливой фразой из популярного советского фильма: **«Есть такая работа – родину защищать»**, он уверился в своей абсолютной правоте, в профессиональном праве убивать. Пафосные фразы затем и нужны, чтобы отучить думать (Дашкова «Игра во мнения»).*

4) *Слабые нелитературные тексты.* Кинофильмы «Встреча на Эльбе», «Белое солнце пустыни», «Неуловимые мстители», «Весна» и т.д.:

*В видеотеке Андрея Ивановича были все фильмы с участием его любимой актрисы Фаины Раневской. Совсем недавно, перед самым отъездом, он смотрел старую комедию **«Весна»** (Дашкова «Кровь нерожденных»).*

Глава третья **«Явление прецедентности в массовой литературе»** посвящена анализу произведений Д. Донцовой, Т. Устиновой, Б. Акунина, Н. Александровой и Е. Арсеньевой, а также рассмотрению массовой литературы с точки зрения науки о языке.

Интертекстуальный анализ таких романов Д. Донцовой, как «Спят усталые игрушки», «Полет над гнездом индюшки», «Квазимодо на шпильках», «Путеводитель по Лукоморью», «13 несчастий Геракла», «Две невесты на одно место», «Старуха Кристи – отдыхает», «Княжна с тараканами», позволяет сделать вывод об использовании интертекстом во всех произведениях автора.

Указание на произведения предшествующей литературной традиции как на прецедентный текст содержится уже в названиях произведений. Этот

тип интертекстуальности, по классификации Н.А. Фатеевой¹⁴, относится к паратекстуальности, а именно представляет собой цитаты-заглавия: «Хеппи-энд для Дездемоны» – к трагедии У. Шекспира «Отелло», «Ромео с большой дороги» – к трагедии У. Шекспира «Ромео и Джульетта», «Филе из Золотого Петушка» – к сказке А.С. Пушкина «Золотой Петушок» (также содержит скрытую рекламу, так как «Золотой Петушок» – это название полуфабрикатов из курицы), «Любимые забавы папы Карло» – к сказке А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». За счет изменения одного из элементов в названии создается юмористический эффект при частичном искажении смысла.

Писательница использует такие особенности функционирования прецедентных текстов: 1) обширность (всеохватность); 2) скрытое обучение; 3) явное обучение; 4) неуместность.

Межтекстовые связи в детективах Д. Донцовой предполагают воплощение в языковой ткани произведения прецедентных феноменов в виде различного рода реминисценций, аллюзий и цитат, которые отсылают к соответствующим литературно-художественным источникам, но не всегда служат для углубления образов героев. Компетенция читателей не позволяет выйти за рамки произведения и увидеть глубину задуманного автором. Прецедентные имена и феномены скорее употребляются автором как своего рода «лакмусовая бумажка», которая показывает, насколько обширны знания писательницы. Современный читатель данной категории литературы не сможет увидеть интертекстуальных отношений с произведениями классической русской и зарубежной литературы, а если и увидит, то не сможет их адекватно идентифицировать. Очень ярко этот факт передает цитата из детектива «Каникулы в Простофилино» Д. Донцовой:

«– Вот, возьмите инструкцию, – заботливо сказал мужчина в форме.

– Какую? – удивилась я.

– По проходу к необходимой точке посещения, – ласково объяснил секьюрити. – Иначе запутаетесь, у нас тут натуральный лабиринт для Квазимодо!

Сообразив, что милый дядечка перепутал мифического древнегреческого зверя Минотавра с одним из героев романа Виктора Гюго, я взяла бумажку и начала изучать ее.

По частотности употребления интертекстом детективы Д. Донцовой стоят на первом месте. Каждая пятая страница содержит цитату,

---

¹⁴Фатеева, Н.А. Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности [Текст] / Н.А. Фатеева. – М.: Книжный дом «ЛИББРОКОМ», 2012. – 280 с.

реминисценцию, аллюзию или аллюзивный антропоним, относящийся к предшествующей литературной традиции или современной российской действительности.

В романе другого автора массовой литературы Е. Арсеньевой «Страшная сказка» герой сжигает деньги в силу болезни, тогда как у Достоевского в романе «Идиот» сцена сжигания денег – это бунт против мира, против его нового Бога – денег и власти. Настасья Филипповна демонстрирует свой выбор, отказавшись от денег, предпочитая духовные ценности. А у Арсеньевой мать героя умерла из-за того, что увидела горящие деньги. Таким образом, можно говорить не просто о противоположности смыслов одной и той же прецедентной ситуации в этих произведениях, а об антонимичности. Представляется возможным выделение такого интертекстуального тропа, как *прецедентная антитеза (антонимичность)*.

В произведениях Т. Устиновой «Закон обратного волшебства», «Неразрезанные страницы», «Миф об идеальном мужчине», «От первого до последнего слова» имеется несколько особенностей функционирования прецедентных текстов, которые характерны для произведений массовой литературы: *обширность (всеохватность), неуместность, скрытое обучение, явное обучение, контрастность*.

Идиостиль Т. Устиновой невозможно представить без многочисленных аллюзий и реминисценций на произведения классиков русской и зарубежной литературы, так как интертекстуальность является неотъемлемой чертой современного художественного дискурса. Романы Т. Устиновой содержат меньшее количество интертекстуальных элементов, чем иронические детективы Д. Донцовой.

В романе «Весь мир театр» Б. Акунина, когда Фандорин размышляет над своей влюбленностью, возникает реминисценция на стихотворение Б.Л. Пастернака «Гул затих. Я вышел на подмостки»: *«Идет себе человек по полю, перейти которое – жизнь прожить, спокойно смотрит на плавную линию горизонта, и тот вроде бы постепенно проясняется, становится ближе»*. Слова Фандорина вступают в противоречие со строками Пастернака. Если лирический герой утверждает, что *«жизнь прожить – не поле перейти»*, то для Фандорина жизнь будет прожита, когда человек перейдет поле. Кроме того, стихотворение написано в 1946 году, а действие романа происходит в 1911 году. В данном случае представляется возможным выделить такую особенность функционирования интертекстуальности, как *хронологическое несоответствие*.

Чаще всего на страницах романов Б. Акунина используются аллюзии и реминисценции на произведения Ф.М. Достоевского. Его слова «Красота спасет мир» жестоко спародированы Акуниным трижды:

1. В романе «Азазель» Амалия Бежицкая, соотнесенная с Настасьей Филипповной, умело и убедительно разыгрывает роль призрака, пугая Фандорина жалобной речью: *«Я была молода и красива, я была несчастна и одинока. Меня запутали в сети, меня обманули и совратили. <...> Ты совершил страшный грех, Эраст, ты убил красоту, а ведь красота – это чудо Господне. Ты растоптал чудо Господне».*

2. В «Декораторе» Джек-Потрошитель Соцкий провозглашает наедине с собой: *«Я люблю вас со всеми вашими мерзостями и уродствами. Я желаю вам добра. У меня хватит любви на всех. Я вижу красоту под вишвыми одеждами, под коростой немытого тела. <...> Как могут они гнушаться Божьим даром – собственным телом! Мой долг и мое призвание – понемногу приучать их к Красоте. Я делаю красивыми тех, кто безобразен».*

3. В романе «Весь мир театр» актер Мефистов не любит красоту и красивых женщин: *«Один некрасивый писатель сказал глупые слова, которые всякие болваны без конца повторяют: "Красота спасет мир". Брехня-с! Не спасет, а погубит!».*

В романе «Весь мир театр» приводится измененная интертекстема на фразу Ф.М. Достоевского «Красота спасет мир»: *«...только искусство спасет мир от потопа, а высший род искусства – театр».*

В романе «Черный город» дважды приводится аллюзия на роман «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского:

1. При разговоре с Чертом революционер Дятел-Одиссей отмечает, что он шизофренией, как Иван Карамазов не страдает: *«Психически человек был абсолютно здоров, шизофренией не страдал, внутренними раздорами не терзался, к образу Ивана Карамазова и творчеству Федора Достоевского относился юмористически».*

2. Когда у героини Саадат Валидбековой похитили ребенка, она потрясена равнодушием похитителей к деньгам, так как за выкуп они потребовали не вступать в переговоры с рабочими, что приведет к забастовке: *«Идейные злодеи – самые страшные. Такие во имя светлого будущего пролетариата запросто убьют семилетнего мальчика. Достоевский со своей слезой ребенка для них не авторитет».*

Б. Акунин использует широкий диапазон имен, начиная от древнейших времен и заканчивая современностью. К аллюзивным антропонимам, функционирующим в художественном дискурсе автора, также относятся:

- **Имена писателей, поэтов:** А. Рембо, Н.М. Карамзин, М.Ю. Лермонтов, А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, Шекспир, О. Уайльд, П. Зюскинд, А. Конан Дойл, А. Кристи и др.
- **Имена ученых и философов:** Ларошфуко, Кант и др.
- **Имена исторических и политических деятелей:** Клеопатра, Чингизхан, П. Столыпин;
- **Имена музыкантов и актеров:** В. Комиссаржевская, С.П. Дягилев, К.С. Станиславский, Моцарт, Сальери, Сара Бернар, Эдмунд Кин и др.
- **Имена мифологических персонажей:** Одиссей, Геракл, Афина, Медуза Горгона и др.
- **Имена героев художественных произведений:** Джульетта, Офелия, Гертруда, Башмачкин, Лаура, Беатриче, Плюшкин, Долохов и др.

Роман Б. Акунина «Ф.М.» уже в своем названии содержит прямую связь с автором произведений классической литературы. Название романа Акунина «Ф.М.» – это инициалы одного из ярчайших представителей русской классической литературы XIX в. – Ф.М. Достоевского. В этом произведении, кроме интертекстуальных связей, имеется трансформация текста первоисточника (т.е. романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»), что по классификации Н.А. Фатеевой относится к метатекстуальности, а именно Б. Акунин использует такой прием, как дописывание «чужого текста».

В **Заключении** обобщаются итоги проведенного исследования, полученные в результате лингвистического анализа интертекстуальности, отражающей особенности современной литературной коммуникации. Наиболее частотны отсылки к произведениям Ф.М. Достоевского. Как в беллетристике, так и в массовой литературе, используются прецедентные имена из произведений писателя, аллюзии и реминисценции, отсылающие нас к его творчеству.

При анализе современной массовой литературы (произведения Д. Донцовой, Е. Арсеньевой, Б. Акунина, Н. Александровой и др.) нами были выявлены следующие особенности функционирования интертекстуальных элементов: неуместность, контрастность, всеохватность (обширность), явное и скрытое обучение, хронологическое несоответствие. Необходимо отметить, что в произведениях беллетристики данные функции не прослеживаются, а имеет место широкое употребление интертекстуальных тропов: прецедентное сравнение, антитеза, а также интертекстуальный вывод.

Анализ интертекстуальных элементов позволил выделить такие группы первоисточников, как 1) произведения русской литературы; 2) произведения

массовой культуры: названия и фразы из художественных фильмов и мультфильмов, названия передач, строки из песен; 3) произведения зарубежной литературы; 4) библейские тексты; 5) мифология; 6) исторические имена.

Таким образом, всестороннее изучение типологических и функциональных характеристик интертекстуальных элементов позволило сравнить количественный и качественный состав интертекстем в произведениях массовой литературы и беллетристики. Самые популярные прецедентные феномены, употребленные в дискурсах беллетристики и массовой литературы, связаны с именем и творчеством Ф.М. Достоевского. Самый популярный автор массовой литературы Д. Донцова употребляет в своих текстах большое количество интертекстуальных элементов, однако литературная (интертекстуальная) коммуникация, в большинстве случаев, нарушена, что связано с узким лингвистическим тезаурусом реципиентов. Читатель диалогизирует с автором современного произведения, не выходя за его рамки, т.е. общения с автором претекста не происходит, что подтверждает мысль об однонаправленном характере коммуникативной деятельности в массовой литературе.

В заключении также намечаются перспективы исследования.

Приложение № 1 «Особенности восприятия аудиторией прецедентных феноменов в современной массовой литературе и беллетристике. Результаты лингвистического эксперимента» описывает лингвистический эксперимент и его итоги. В эксперименте приняли участие 74 человека от 18 до 60 лет, однако ядром реципиентов является молодежная аудитория (90%). Это студенты факультета физической культуры и спорта очной формы обучения – 14 человек (3 курс), студенты факультета педагогики и психологии – 28 человек (2 курс), студенты филологического факультета – 21 человек, в том числе 5 иностранных студентов (5 курс) из ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», а также сотрудники ДООУ № 107 г. Липецка – 11 человек (люди со средним и высшим образованием).

Для значительной части участников эксперимента знакома «классика» школьной программы, мифы и легенды Древней Греции, также изучаемые в школе, фразы из русских народных сказок, высказывания и кинофильмов и др. Что касается прецедентных феноменов, образующих область классической культуры – отечественной и зарубежной, не изучаемых в школе или находящихся на периферии школьной программы, то этот культурный фонд или малознаком или вовсе неизвестен молодежной аудитории.

Приложение № 2 содержит анкету.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

В изданиях списка ВАК Министерства образования и науки РФ:

1) Зубакова Н.В. «Русская классика – это рулёз» (Интертекстуальность в романе Б.Акунина) / Н.В. Зубакова // Русская речь. 2012. № 6. С. 26-29 (0,25 п.л.).

2) Зубакова Н.В. Интертекстуальные связи романа П. Дашковой «Чувство реальности» / Н.В. Зубакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. I. С. 87-90 (0,4 п.л.).

3) Зубакова Н.В. Интертекстуальность в рассказах В. Токаревой / Н.В. Зубакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. II. С. 90-94 (0,5 п.л.).

4) Зубакова Н.В. Реминисценции в романе Полины Дашковой «Приз» / Н.В. Зубакова // Русская речь. 2015. № 4. С. 22-26 (0,4 п.л.).

В других изданиях:

5) Зубакова, Н.В. Актуальность массовой литературы для современных читателей / Н.В. Зубакова // «Живодействующая связь языка и культуры» (материалы международной конференции, посвященной юбилею доктора филологических наук, профессора Вероники Николаевны Телии). – Тула, 2010. – С. 89-93 (0,25 п.л.).

6) Зубакова, Н.В. Интертекстуальность в современной массовой литературе / Н.В. Зубакова // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе (выпуск 13). – Воронеж, 2010. – С. 158-164 (0,3 п.л.).

7) Зубакова, Н.В. Интертекстуальность в произведениях Б. Акунина как фактор успеха литературных проектов писателя / Н.В. Зубакова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. – Липецк, 2010. – Вып. 7. – Ч. I. С. 126-133 (0,5 п.л.)

8) Зубакова, Н.В. Произведения современных женщин-прозаиков о Великой Отечественной войне (на материале рассказа Т.Н. Толстой «Соня») / Н.В. Зубакова // «Прошли в огне солдаты русские, Отчизну славя и народ» (К 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне). Сборник статей. – Липецк, 2010. – С. 208- 214 (0,25 п.л.)

9) Зубакова, Н.В. Массовая литература как объект филологического исследования / Н.В. Зубакова // Материалы итоговой научной конференции «О научном потенциале региона и путях его развития» в 2 ч. Ч.1. – Липецк: ЛИРО, 2010. – С. 91-95 (0,25 п.л.).

10) Зубакова, Н.В. Интертекстуальность в произведениях Л.Е. Улицкой / Н.В. Зубакова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. – Липецк, 2011. – Вып. 8. – С. 45-51 (0,5 п.л.).

11) Зубакова, Н.В. Интертекстуальные связи в иронических детективах Д. Донцовой / Н.В. Зубакова // Функционально-коммуникативные и лингвокультурологические аспекты изучения текста и дискурса. – Липецк: ЛГПУ, 2011. – С. 222-227 (0,3 п.л.).

12) Зубакова, Н.В. Интертекстуальные связи в современной массовой литературе (на примере иронического детектива Д. Донцовой «13 несчастий Геракла») / Н.В. Зубакова // Роль историко-культурного наследия в развитии гуманитарных исследований в регионе: сб. материалов областной научно-практической конференции по проблемам гуманитарных наук. – Липецк: ООО ПК «Мистраль-Л», 2011. – С. 192-197 (0,25 п.л.).

13) Зубакова, Н.В. Интертекстуальные связи современных детективов с произведениями классической русской литературы / Н.В. Зубакова // Школа молодых ученых по проблемам гуманитарных наук: сборник материалов областного профильного семинара. 16-17 июня 2011 г. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2011. – С. 61-65 (0,2 п.л.).

14) Зубакова, Н.В. Произведения Ф.М. Достоевского в зеркале современной русской литературы / Н.В. Зубакова // Вокруг великих имен: М.В. Ломоносов и Ф.М. Достоевский в русском лингвокультурном пространстве (К юбилею выдающихся деятелей русской культуры): сборник научных трудов. – Липецк, ЛГПУ, 2012. – С. 205-213 (0,4 п.л.).

15) Зубакова, Н.В. Использование прецедентных текстов в романе Т. Устиновой «Закон обратного волшебства» / Н.В. Зубакова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. – Липецк: ЛГПУ, 2012. – Вып. 9. – Ч. I. – С. 123-127 (0,2 п.л.).

16) Зубакова, Н.В. Повесть В. Токаревой «Своя правда» через призму интертекстуальности / Н.В. Зубакова // Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. – Липецк: ЛГПУ, 2014. – Вып. 11. – С. 42-46 (0,25 п.л.).

17) Зубакова, Н.В. Интертекстуальность как составляющая художественного дискурса романа П. Дашковой «Приз». – Вестник ЛГПУ, Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 1 (10). – С. 78-82 (0,5 п.л.).

18) Зубакова, Н.В. Специфика интертекстуальности в современной массовой литературе / Н.В. Зубакова // Наука глазами молодых: сборник научных работ молодых ученых. – Липецк: ЛГПУ, 2015. – Вып.2. – С. 66-70 (0,4 п.л.).

19) Зубакова, Н.В. Интертекстуальные связи в романе Л.Е. Улицкой «Казус Кукоцкого» / Н.В. Зубакова // Малая родина – большая литература:

проблемы развития современной филологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции: 2-23 апреля 2015 года. – Липецк: ГАУДПО ЛО «ИРО», 2015. – С. 126-130 (0,4 п.л.).